

Господину Послу Соединенных Штатов Америки

Ваше превосходительство, господин Пикеринг,

Позвольте — для начала нашей истории — привести две цитаты. Одну — из письма конгрессмена Барни Фрэнка в посольство США в Москве (11.02.93 г.), вторую — из ответа на это письмо г-на Джеймса Коллинза — в то время (февраль-март 1993 года) — исполняющего обязанности главы миссии в столице России.

«Дорогой мистер Коллинз. Мое письмо к Вам вызвано озабоченностью той информацией, которую я услышал от людей, приехавших в американское посольство в Москве. Конкретно она касалась тех, кто обращался за получением (американской) визы и с кем во время интервью обходился с большим неуважением. В некоторых случаях заявителям покидали посольство оскорбленными (...)

Я не сомневаюсь, что вы согласитесь со мной, что посольство для многих (российских граждан) — их первый контакт с Соединенными Штатами, и этот опыт не должен быть разочарующим или унижительным».

Ответ мистера Коллинза (17.03.93) на письмо конгрессмена был следующим: «... Руководство консульства заботится о том, чтобы создать благоприятные впечатления о работе нашей службы, и прилагают огромные усилия, чтобы справиться с более чем 140 000 просьб о визе, которые консульство получает каждый год, старается выполнять свою работу и квалифицированно, и вместе с тем в уважительной форме. К сожалению, избежать жалоб со стороны тех, кто к нам обращается, практически невозможно, так как эти жалобы вызваны самой природой нашей службы, которая вынуждена отказывать в визах тем, кому по закону виза выдана быть не может. В результате сами заявители, которым отказано в визе, их родственники или спонсоры в США чувствуют себя оскорбленными (...). Поэтому мне важнее всего, чтобы вы, как представитель консульства, проявляли понимание и сочувствие демонстрирует в этих случаях офицер визовой службы, риск быть обвиненным в грубости, высокомерии и злобе — этот риск является постоянным спутником нашей работы. Мы внимательно расследуем все случаи, когда наши сотрудники обвинялись в неадекватном поведении. В некоторых случаях такие жалобы подтверждались фактами, но в большинстве своем такие жалобы либо вовсе ни на чем не основывались, либо являлись собой попытку оказать на нас давление, тем чтобы получить визу, в которой ранее было отказано».

Конкретные факты — будут. Но прежде позволю себе сказать, что данная заметка — не жалоба, равно как она никоим образом не преследует задачи оказать давление «с целью получения визы» — виза у меня есть. Я не раз в последние годы была в США, и никогда — ни сейчас, ни раньше — консульство в Москве не отказывало мне в разрешении на въезд в Соединенные Штаты. Более того: когда в июне девяносто первого года тогдашние советские власти попытались не выпустить меня из страны, сославшись на то, что «американцы не дают вам визы», именно американское консульство сделало все, чтобы помочь мне.

Однако мне также не раз и не два приходилось слышать от своих сограждан о том, сколь унижительным — оборачиваются для них встречи и собеседования с сотрудниками консульства в Москве.

Я решила проверить это лично — поставить эксперимент на себе: до 30 июня 1994 года в здании консульства мне бывать не приходилось — раньше все мои документы оформлялись через газеты, в которых я работала.

* Здесь и далее перевод автора с оригиналов, переданных автору конгрессменом Б. Фрэнком.

— День тридцатого июня был солнечный, настроение — замечательное, очередь для того чтобы войти в помещенье визовой службы, против ожидания — недолгой, озорники — приветливы. В переполненном зале, очевидно, не приспособленном для такого наплыва людей, тем не менее было по-американски чисто, везде были размещены на двух языках четкие и вразумительные инструкции о том, что и как следует делать, какие бумаги и как заполнять. Да и сама организация этого помещенья говорила о том, что консульские работники как минимум знакомы с эргономикой — не надо было шаркаться, как мы привыкли, от одного окна к другому, дабы высунуть, в какое тебе следует обратиться. Мне повезло: удалось притк-

— Скопкой! Я вас не слышу! — рубанул голос из-за пуленепробиваемого стекла... — Девушка, — начала другая просительница, явно уже напуганная участю своей предшественницы (той отказали). — Я вам не девушка, — отрезал голос. — Простите, господа... Во мне все кипело. Если закрыть глаза и перестать замечать акцент госпожи Холь, то создавалась полная реальность обычного советского магазина середины восьмидесятых: только вместо окна — прилавок, за которым — рвущаяся продавщица, воспринимаящая каждого покупателя как своего личного врага, отбирающего у нее последние 100 граммов дефицитной колбасы... Наконец в опустевшем зале нас, кроме охраны, осталось двое: седаз, интеллигентная женщина — сильно за пятидесят

мнее приятный, чем первое. Экономия газетной площади, пересказывать его не буду: г-же Холь во мне не понравилось, очевидно, все, включая приглашение, присланное одним из самых известных американских университетов. Предъявив удостоверение работника прессы, мне удалось узнать фамилию моей визы, в ответ же на просьбу назвать ее должность зауконнопроникнутое стекло залопнуло, а рука махнула, как бы говоря: «Аборигены, на выход!» Впрочем, я успела ей сказать: «Вы можете не любить страну, в которой вам приходится работать — это ваше право, вам могут быть несимпатичны люди, которые приходят к вам за визой, — это тоже объяснимо, но уважать их вы — обязаны». Г-жа Клаудина Холь улыбалась.

На улице по-прежнему светило солнце. Я стояла на тротуаре перед зданием посольства и вспоминала, как полтора года назад (недолго до приведенной в самом начале переплюска) здесь, на этом самом тротуаре, увидевшись прямо на грязной асфальт, плакала моя американская коллега, побывавшая в консульстве со своей русской приятельницей:

— Это ужасно, ужасно, они не должны так разговаривать, — повторила она. — Мне так стыдно, так стыдно... Глубокоуважаемый господин посол!

Я понимаю, что американские консульства в Москве и других городах бывшего Советского Союза работают с большим напряжением. Понимаю и все объяснение, связанное с нелегальной иммиграцией из России и других республик СНГ в США. Слышала, что в последние годы чуть ли не 28 процентов из тех кому сограждан, кто получил разрешение на временный въезд в США, навсегда расторгли разрешение на простоях в вашей стране. Знаю, что, даже несмотря на это, США в отличие от многих стран Европы оставляют для нас свои двери если и не открытыми, то и не закрытыми наглухо. Наконец, сознаю, что далеко не для всех сотрудников американских учреждений в России работа и жизнь здесь — в радость (хотя знаю многих и много уважаю, включая сотрудников посольств, кто искренне любит мою страну). И все же, все же — не могу не задать вопросы...

Буквально на всех бумагах или менее официальных документах, которые мне доводилось видеть в Соединенных Штатах Америки, вижу либо на обороте было написано: «Дискриминация по религиозным, национальным, расовым причинам, а также дискриминация по возрасту, полу или сексуальной ориентации является нарушением законов США». Разве на территории Соединенных Штатов в Москве — то есть на территории посольства в консульствах — эти законы не действуют?

Но Бог с ними, с законами тем более в нашей беззаконной стране. Не понимаю другого как люди, выросшие и воспитанные в стране, где демократия и права человека — почти что религия, могут позволить себе так неуважительно относиться к гражданам другой страны, сви детелем чему я была? Или з пределями действия билля и правая — права человека можно и позабыть?

Узнать русских — не великая заслуга. Мои сограждане много узнали — свои особенно. И не случайно, они к тому притерпелись и часто принимают это как неизбежную атрибутику своей жизни. Но разве не очевидно не сказано уже многожды, что унижение «униженных и оскорбленных» унижает прежде всего то, что это делает? В данном случае делает под семью американского флага и тем оскорбляет сам этот флаг.

И напоследок позволю себе небольшой урок истории для госпожи Холь. Люди, века назад наславшие страну, ставши впоследствии суверенно независимыми Штатами Америки, были столь же бедны, как большинство сегодняшних русских, были неважно одеты — что не знали хороших манер — выучились и построили великую страну. Что же касается России, то у нас тоже есть свои неплохие уроки — например, в среде старой русской аристократии появилось за два года столько же людей, что годь дал им счастье родиться богатыми и благополучными, как как другим — не...

ЛИЦОМ К ЛИЦУ С АМЕРИКАНСКИМ БЮРОКРАТОМ

О манерах консульских работников США в Москве

нуться аккуратно под окном № 1, к которому сотрудница консульства (как я выяснила позже — г-жа Клаудина Холь) вызвала для собеседования (требовалось подняться по небольшой металлической лестнице) тех, кто днем — днями раньше уже подал свои документы.

Как журналисту мне повезло дважды: к окошку меня пригласили самой последней, потому на протяжении трех с половиной часов я имела возможность собственными ушами услышать то, о чем раньше мне только рассказывали.

Это была пьеса на два голоса. Нет, голосов, конечно, было в реальности больше — двадцать, тридцать — я не считала. Но в звуковом выражении их было именно два. Один — жесткий, требовательный, непрерываемый, усиленный микрофоном — принадлежал госпоже Холь. Другой — униженно-просительный, заискивающий, сбиравшийся на скорую горку, дабы успеть что-то сказать, прежде чем прозвучит — резко, грубо: «Я вас об этом не спрашивала». У меня нет столько времени с вами разговаривать — объединяю всех других, кто подошел к этому окну.

А подошли люди самые разные — бизнесмены, переводчики, ученые, вообще, конечно, было молодых бизнесменов. Что и понятно: односторонняя виза в США стоит примерно половину среднегодовой зарплаты радостного москвича (и целую зарплату — ученого академического вуза), многократно же обходится почти в три зарплату (240 тысяч). Правда, эти цены были введены в ответ на лоборы, унимаемые российскими консульствами в США. Как правда и то, что средняя зарплата в США примерно в 500 раз выше, чем в России. Ну не о том сейчас речь: колн люди отправляются за океан — значить денег у них, либо у их спонсоров есть.

... А голос из микрофона тем временем спрашивал неподходящую женщину, подошедшую к окну с девочкой-подростком: — С какой целью вы едете в США?

— Посмотреть страну, дочери показать...

— Откуда у вас деньги?

— Я — глава крупной фирмы...

— Сколько вы получаете? (Замечу в скобках — подобный вопрос задать в США стоило же неприлично, как спрашивать у постороннего, какой вид секса он предпочитает).

— Полтора миллиона, — чуть понизив голос, видю, вспоминаю реальность нашей криминальной действительности, в какой подобные суммы в целях личной безопасности лучше при всем честном народе не произносить, ответила женщина.

и автор этих строк.

— Вы не волнуйтесь, — в тишине загла услышала я слова просительницы. Вероятно, в силу своего возраста — а она была старше сотрудницы консульства как минимум раза в полтора, ей казалось, что тем она усколокит и расположит к себе г-жу Холь, очевидно уже измученную нескончаемой чередой страждущих попасть в США. Не тут-то было!

— Кто у вас спросил совета! Отойдите, — последовал приказ. — Ну вот, все себе испортила, — тяжело спускалась с лестницы и грустно улыбалась, сказала мне эта милая дама. (Слусть десять минут визу она-таки пополнила).

... Я прожила в США в общей сложности полтора года, только на машине проехала по этой чудесной, удивительной стране, которую обязательно надо увидеть, чтобы понять, как должны жить нормальные, цивилизованные, уважающие себя люди, более 11 тысяч миль, бывала во многих присутственных местах, в том числе и в таких, где стояли очереди, но ни разу не слышала, чтобы государственные чиновники позволили себе разговаривать с людьми в той тональности и в той манере, которую позволяла себе сотрудница американского консульства в Москве. Или все дело в том, что в тех очередях стояли американцы?

Подошла моя очередь. Я была поражена: голос, который я слышала эти три с лишним часа, находился в разительном несоответствии с внешностью: за двойным стеклом окна № 1 оказалась интересная, милостивая, улыбающаяся блонетка, открытую недоброежелательность которой выдавали лишь глаза и, конечно, голос.

Кажется, у меня улыбка была желанная не было. Я заговорила по-английски.

— Говорите по-русски, — тут же одернула меня госпожа.

Уж не знаю, что в тот момент отобразилось на моем лице: то ли несказанное удивление по поводу того, что впервые на территории США (а посольство является территорией США) стремление говорить на родном для собеседника языке (что в России является знаком уважения к собеседнику) было воспринято столь однозначно негативно, то ли весь комплекс накопившихся за эти часы эмоций... Я не успела произнести более ни одного слова, как услышала:

— Вы не готовы к интервью. Идите, я вас вызову.

Честно сказать, давненько я не припомню, чтобы кто-либо из чиновников позволил себе со мной разговаривать в таком тоне.

Наше повторное общение — минут через десять — было еще

ИЗ ВЕСТИЯ
16.07.94